

Марина Вантара
Миссия НОМО LIBERATUS:

Начало

Лондон, 2025

ISBN 978-1-0369-0852-2

Посвящается всем мирным жертвам войн,
терроризма и принуждения на планете Земля

Оглавление

Пролог

Глава 1. Возвращение

Глава 2. Homo liberatus

Глава 3. Молчание могил

Глава 4. Живые свидетели

Глава 5. Спасение утопающих – дело самих утопающих

Глава 6. Во все тяжкие

Глава 7. Племянник

Глава 8. Вампиры обыкновенные, и где они обитают

Глава 9. Дядя

Глава 10. В лабиринтах памяти

Глава 11. География предательства. Часть 1

Глава 12. География предательства. Часть 2

Глава 13. Последняя жертва

Глава 14. Земля и крестьяне

Глава 15. История вампира, идеальная и реальная

Глава 16. Логово

Глава 17. Шабаш серых кардиналов

Глава 18. Любовь

Глава 19. Привидение

Глава 20. Мерцание индиго

Глава 21. Три луны с индиго

Глава 22. Индиго в новом свете

Глава 23. Единое сознание

Глава 24. Железный катаклизм

Глава 25. Следствие

Глава 26. Суд

Глава 27. Преступление и наказание

Эпилог

– Трусость – один из самых страшных человеческих пороков.
– Осмелюсь вам возразить. Трусость – самый страшный человеческий порок.
Михаил Булгаков «Мастер и Маргарита»

Пролог

Вечер 22 марта 1943 года. Белоруссия. Не прошло и часа как 118-й батальон шуцманшафта, сделав своё чёрное дело, покинул Хатынь. В леденящем молчании сумерек, в белизне голых берёз и сырого снега зловеще зияет тёмное пятно с проседями пепла – вот во что каратели превратили деревню. Обломки сожжённых ими крестьянских домов курятся прядями едкого дыма. Над одним из пепелищ – стойкая вонь горелого человеческого мяса. Она долго не рассеивается в лесном безветрии. Единственный звук на ещё вчера оживлённой улице – потрескивание тлеющих бревенчатых балок, то и дело взрывающее нестерпимую тишину.

От *того* сарая ведут несколько цепочек человеческих следов. А в конце каждой цепочки – распластавшийся на снегу труп с вытянутыми руками и окровавленными дырками от пуль в спине. Возле *того* сарая больше нет людей. Живых людей.

Вдруг из воздуха возникают двое. Молодые, невысокие, хорошо сложенные мужчина и женщина, чистые, словно только что из ароматной ванны, одетые в лёгкие, напоминающие греческие, зелёные туники, босые. Их точёные силуэты словно вырезаны кем-то из бумаги и цинично подкинута на пепелище. Пришельцы совсем не похожи ни на местных русоголовых жителей, ни на блондинисто-рыжих истинных арийцев – они смуглы и черноглазы, как цыгане. Вот только в лицах незнакомцев, в отличие от беспокойных вечно мятущихся цыганских – умиротворённость, неземная, и уж совсем не совместимая со зрелищем обугленного кровавого месива, открывшегося их глазам.

Несколько минут двое, держась за руки, молча оглядываются, поражённые видом надругательства, совершённого здесь над жизнью. Наконец, девушка думает:

«Какая нечеловеческая жестокость! Неужели мы не могли это остановить?» – её мысль пронзительна, как крик.

«Это как раз человеческая жестокость, моя дорогая. Её не остановить. Во всяком случае пока, – так же мысленно отзывается мужчина. Его бездонная печаль тут же передаётся подруге. – Давай лучше искать *его*. Я уже начинаю думать, что *он* не выжил».

«А я верю, что выжил! – горячо возражает спутница. – Ведь *он* твой сын!»

Мужчина бросает на неё благодарный взгляд.

«Совсем маленький...Если бы я знал, что всё случится именно сегодня, я бы забрал *его* с собой, уже когда отправлялся на Единение! Просто пожалел Полину, хотел, чтобы они побыли вместе как можно дольше. Да, предвидение – не мой конёк. Хоть бы это не стоило Ясику жизни!»

Они подходят ближе к *тому* сараю. Оттуда нестерпимо несёт палёной плотью. Обгорелые трупы лежат голые, и только некоторые покрыты чёрным, смешавшимся с обугленной кожей рваньём. Среди этих почерневших останков, сохранивших искажённые гримасы предсмертного ужаса, кажется невозможным найти тело красавицы Полины, деревенской травницы.

«Смотри, Симон, некоторые женщины лежат на животах. Надо перевернуть».

«Зачем? Ты что, недостаточно увидела?» – с отвращением отзывается мужчина.

«Просто сделай!»

Не сходя с места, пришелец вытягивает руку в сторону одного женского трупа и медленно поворачивает кверху ладонь. Тело откидывается на спину, и под ним обнаруживается задохнувшийся до смерти, но почти не обгоревший младенец.

«Теперь видишь? – настаивает девушка. – Мать пыталась спасти ему жизнь. Ну, давай же! Надо надеяться! Смотри, вот здесь!»

И она указывает на место, где недавно стояла дверь сарая. Там обуглившееся женское тело застыло в какой-то неестественной позе, словно та умирала, стоя на четвереньках. Симон приближается, проводит вытянутой рукой под её животом, где, на первый взгляд, пусто, но он тут же чувствует тепло своего ребёнка.

– Ясик! Не бойся, это папа!

Невидимый комок под трупом Полины вдруг превращается в мальчика лет трёх, в грязной, но почти целой рубашонке, со спутанными тёмными волосиками и пронзительно-чёрными цыганскими глазёнками. Ребёнок скорее удивлён, чем напуган, но не издаёт ни звука и даже не тянется к своим спасителям. Симон сам высвобождает маленькое тельце и крепко прижимает к себе. Он бросает долгий тоскливый взгляд на то, что осталось от любимой женщины, отворачивается и решительно отходит прочь. Его спутница, тем временем переворачивает все лежавшие на животах трупы и находит ещё одного еле живого малыша, с которым исчезает в воздухе, а через несколько минут возвращается уже с пустыми руками. Она подходит к мужчине, не выпускающему из рук своего чудом уцелевшего сына, и все трое испаряются в промозгом воздухе мартовской ночи.

Глава 1. Возвращение

Первая самостоятельная межпланетная телепортация едва меня не убила. Я сделал отчаянное усилие не распасться на атомы, не расплыться в ошеломляющем круговороте едва знакомых, затерянных в детских воспоминаниях звуков и запахов. И тут совсем близко увидел удивлённо распахнутые глаза цвета предштормового моря. Они-то и сумели приковать астральное тело к моему физическому, мужскому естеству. Потом я ударился головой и провалился в темноту.

Очнулся в просторном вонючем помещении с дощатыми стенами и низким потолком, лёжа на узком топчане. В центре стоял железный монстр приятного небесно-голубого цвета. На задней части машины, как раз на уровне моих глаз прикорнула надпись «Жигули». Маслянисто-нефтяной смрад, исходивший от автомобиля, усиливал состояние пришибленности, мешая сосредоточиться. Во время астральных путешествий мы лишены обоняния, но теперь, когда моё физическое тело тоже оказалось на Земле, это зловоние, восстав из лабиринтов забытых детских кошмаров, вызывало горечь во рту и делало меня больным. И было почти невозможно уловить приятный травяной аромат, едва доносившийся из противоположного угла помещения. Я с трудом приподнял голову, чтобы взглянуть туда, и увидел стоявшую ко мне спиной русоголовую девочку-подростка рядом с плоским разогретым докрасна кругляшом на ножках – электрической печкой.

Готовясь к возвращению на родину предков – главному событию в своей жизни – я совершил множество астральных вылазок в самые разные уголки Земли, но вот полноценная межпланетная телепортация требует особого мастерства. На его приобретение ушло более сорока лет, и даже после всех нескончаемых тренировок

меня занесло намного южнее, чем планировалось, да ещё мимо водоёма – потому и тошнило до сих пор.

«Надо осваиваться, – и я попытался пошевелить пальцами рук и ног. – Вроде ничего не сломал. А теперь – что-нибудь передвинуть». Высоко на полке, выступавшей из стены, возле которой возилась девочка, очевидно, и притащившая меня сюда, стояла безобидная на вид цилиндрическая ёмкость. Я просто хотел перенести объект вниз, но не справился с первой попыткой телекинеза при земной гравитации – и банка, сделав неловкий пируэт в воздухе, грузно ударилась о пол. Не слишком плотно прижатый к отверстию металлический кругляшок отлетел далеко в сторону; жидкая субстанция, убийственно воняющая аммиаком, выплеснулась из разверзшегося сосуда и изумрудным фонтаном обдала мою спасительницу, и та, застигнутая врасплох, коротко взвизгнула и резко повернулась ко мне лицом. «Ничего себе благодарность!» – пронеслось у меня в голове. А девочка стояла, почти вся зелёная, остолбенев, онемев от растерянности, а через несколько секунд шёпотом пролепетала:

– Что же я скажу маме? А папе? Господи, а как я домой пойду?

Встряска от этой небольшого инцидента чудесным образом вернула меня к жизни. Небольшое усилие – и опустошённый металлический цилиндр плавно оторвался от пола и поплыл вверх, пока, наконец, не встал на прежнее место. Девочка всё ещё не двигалась и ошалело следила за самостоятельно перемещавшейся банкой от краски.

– Сейчас я всё исправлю, – попытался успокоить я. – Не шевелись, – и стал возвращать зелёную субстанцию в банку.

Да, земная гравитация и вправду оказалась сильнее, чем на Новой Лемурии. Этого тоже невозможно было почувствовать во время астральных путешествий. Большие и маленькие аммиачные капельки цвета весенней листвы отрывались от платья и волос девочки и причудливыми тонкими нитями устремлялись по воздуху обратно в металлическую ёмкость, а жертва моей неловкости, потеряв дар речи, бледнее облака, еле стояла на ногах, опираясь рукой о старый заполненный железками шкаф. «Сильная! – мелькнуло у меня в голове. – Другая, наверное, уже валялась бы в обмороке». А она думала: «Я точно это вижу, но это не может быть правдой! Я сплю? – она украдкой ущипнула себе руку. – Кажется нет. Тогда как же это всё? Как волшебство.... Фу, да какое волшебство? – и представила, как на неё показывают пальцами в школе, где многие и так считали мою новую знакомую странной. – Ну, поздравляю! Ты всё-таки сошла с ума...»

Я поспешил на помощь:

– Нет, нет, Полина. Ты находишься в здравом уме. Тебя ведь Полина зовут?

– Д-да... – девочка кивнула и посмотрела на меня с подозрением. – А откуда вы знаете?

– Дай я сначала почищу. Держись! – мой голос и, конечно, немного внушения её успокоили.

Когда я вернул всю до капельки зелёную краску в водружённую обратно на полку банку, платье Полины снова стало голубым, как до моего неудачного эксперимента. Девочка подняла указательный палец вверх и потыкала им в воздух:

– Крышкой надо...

– Ах, да, конечно! – согласился я, и заставил железный кругляшок закупорить отверстие в цилиндре поплотнее, чем раньше.

– Кто вы? – наконец, решительно потребовала ответа Полина и поспешно соврала:
– Учтите, я не верю ни в волшебников, ни в инопланетян.

– Напрасно, – усмехнулся я.

Пора было бы объясниться – ведь девочка не могла слышать мои мысли! Но я находился на грани истощения. Сказывалось приземление вместо воды на сушу после межпланетной телепортации, и удар головой, и непривычно сильное земное притяжение, а хуже всего – нестерпимая вонь аммиака и бензина. Поэтому я, морщась, промямлил:

– Это длинная история... Я обязательно расскажу тебе, когда выберусь на свежий воздух. Никогда в жизни не испытывал такой головной боли! Есть поблизости озеро или река?

– Конечно! – с ноткой удивления, не понимая, к чему я это спросил, ответила моя новая знакомая. – Примерно в километре отсюда... Но сможете ли вы дойти? У вас ссадина на затылке и, может быть, сотрясение мозга... Вас бы в больницу, но я не знаю, что сказать врачам... – она замялась.

– ...Чтобы тебя не приняли за сумасшедшую? – понятно подхватил я. – Нет, в больнице вашей мне точно нечего делать.

– Я компресс вам приготовила. Вот, приложите, – Полина подала мне аккуратно сложенное пропитанное травяным отваром полотенце и добавила почему-то извиняющимся тоном: – Жаль, что тёплый... – я приложил ко лбу полотенце, а она, обежав вокруг машины, вернулась с металлической кружкой, наполненной тем же отваром. – Выпейте. Это должно снять боль.

– Спасибо, милая, – я взял кружку, отхлебнул, и сразу почувствовал прилив сил. А моё сердце вдруг сжалось, заколотилось сильнее от накатившего воспоминания о другой Полине – моей матери, которая готовила точно такой же целебный отвар! – Мне не придётся добираться пешком, – объяснил я, наконец. – Ты вот что: иди к озеру, а я чуть-чуть полежу с компрессом и буду там одновременно с тобой. Знаю, ты умираешь от любопытства.

Без дальнейших расспросов Полина прихватила свою курточку и вышла из гаража, по моей просьбе заперев его на ключ, но через минуту в замке снова послышался щелчок, и две её длинные косы показались в дверном проёме.

– Вам же нельзя на улицу в таких лохмотьях! – она порылась в ворохе отцовского барахла, висевшего на вбитых в стену крючках и припасённого, казалось, на все случаи жизни, выудила оттуда и подала мне старые, но вполне приличные брюки, рубашку в голубую клетку и толстый тёмно-зелёный джемпер. – Вот! Наденьте!

Приправив мой новый гардероб парой коричневых слегка великоватых мужских туфель с чуть сбитыми подошвами, она, наконец, отправилась на озеро. Я тоже не желал слишком надолго задерживаться в компании вонючего монстра под названием «Жигули», совсем не способствовавшей улучшению самочувствия. И потом, меня тянуло к этой девочке, поэтому, даже имея слабое представление о местности, я уже не боялся промахнуться. Связь, молниеносно возникшая между нами в момент моего приземления, оказалась так сильна, что я не потерял бы Полину ни в самом отдалённом уголке Земли, ни в самой неизведанной точке Вселенной. Я уже догадался: падение именно сюда, к её ногам, не было случайным, ибо родственные души притягиваются, как магнит, и направляют друг друга, как компас. Я словно перемещался не на ставшей мне чужой планете, а там, где считал себя дома. Телепортация к озеру, куда

отправилась моя новая знакомая, прошла даже очень гладко, за вычетом того, что мне пришлось собрать последние силы для её осуществления. Настроившись на мысли Полины – а думала она громко – я возник из воздуха» на расстоянии вытянутой руки от неё.

Сидя на узкой деревянной лавочке возле небольшого круглого водоёма, девочка ёрзала от нетерпения. Она тихонько взвизгнула, хотя и видела моё «волшебное» появление уже во второй раз. Несколько рыбаков на противоположном берегу были так поглощены вечерним клёвом и собственными мыслями, что не обратили никакого внимания на телепортацию, осуществлённую у них чуть не перед носом. Зато, когда я полез в воду, они моментально это заметили и стали показывать пальцами на «сумасшедшего, которому приспичило купаться в середине апреля». Вода действительно была довольно холодной, но такая возвращает к полноценной жизни даже лучше, чем более для меня привычная, прогретая тропическим солнцем. Через несколько минут я уже сидел на берегу и, сняв ботинки и повысив температуру тела, не раздеваясь, сушил великоватую, соплями свисавшую одежду, а Полина с удивлением наблюдала как от меня клубился белый пар.

Наконец, всё высохло. Тогда я с удовольствием растянулся на мягкой траве и стал следить за редкими клочковатыми облаками, розовато-сизыми в предсумеречной синеве. Полина тоже сползла с лавочки, села рядом на землю, обхватив колени руками. Берег озера порос густым кустарником и красивыми белоствольными деревьями. Их тонкие ниспадающие ветви были усеяны набухшими бурыми почками, а местами – новорождёнными клейкими листочками. В воздухе суетилась недавно пробудившаяся мелкая мошкара. Смешные мохнатые в жёлтую и чёрную полоску увальни покрупнее, важно жужжа, неповоротливо зависали между соцветиями какого-то кустарника, походившими на морскую пену. Ум и тело стремительно восстанавливались, напитываясь энергией кишасей повсюду жизни. Теперь я был в состоянии получше рассмотреть Полину.

Дома я много слышал о привлекательности землянок. Моя мать, по странному стечению обстоятельств носившая то же имя, что и это юное создание, была единственной женщиной *homo sapiens*, которую я знал до того дня. Воспоминания о матери всегда сопровождалась грустью и горечью, были как бы размыты временем и пространством. И только глядя на свою новую знакомую, я начал понимать соплеменников, снова и снова возвращавшихся в покинутый дом, несмотря на причиняемые человечеством неудобства и разрушения... Женская энергия этой девочки-подростка манила к себе, хотя была неосознанной, неуправляемой – она словно рождалась из окружавшего нас весеннего буйства. Ещё в момент своего приземления я был околдован и спасён её глазами, цветом напоминающими море перед началом шторма, и такими же опасными, как это море – а теперь, окончательно придя в себя, я понял, что люблю. И это было невозможно ни объяснить, ни прекратить. Мой взгляд всё время возвращался к ней. Как и мои мысли.

Несмотря на некоторую свойственную возрасту несуразность фигуры, было ясно, что она обещала стать красавицей. Чистота её кожи и свежий румянец говорили о частом пребывании на лоне Природы. Энергия леса буквально переполняла Полину – вот откуда у неё взялись силы самостоятельно дотащить меня до гаража! Она была немного полновата, отчего сильнее бросалось в глаза происходившее с ней превращение из девочки в женщину: платье из мягкой тянущейся ткани облегало

подросшую грудь уже плотнее, чем следовало, а родители, видимо, ещё не успели этого заметить и предложить дочери одежду посвободнее. Если бы только можно было просто, как у себя дома, безо всяких объяснений протянуть руку к этой чуть наметившейся груди и погладить её, нежно, вызывая сладкую истому в теле любимой. Потом скользнуть ладонью вдоль округлого плеча, дотронуться до шеи под двумя спадавшими ниже плеч тяжёлыми косами цвета сухой травы. Притянуть к себе и поцеловать – целовать без остановки... но Полина не могла читать мои мысли, и даже не подозревала, какую бурю желаний она всколыхнула в свалившемся к её ногам прищельце. А я понятия не имел, как это – говорить о том, что чувствуешь. Ни разу в жизни не приходилось делать ничего подобного! К тому же и некоторые знания о *homo sapiens*, и моё собственное чутьё подсказывали, что на Земле с любовью всё совсем не так просто, как на Новой Лемурии. И поэтому я сделал усилие и взял гормоны под контроль. Подчинил тело своей воле. Вернул ясность мысли. Надолго.

В свои четырнадцать Полина была уже выше меня ростом, и полнота её не портила, но я отметил про себя, что таких крупных людей давно уже нет среди представителей моей расы. Мы не едим мяса живых существ, не отделяем сахар от растений, вообще не производим и не употребляем ничего искусственного, обмениваемся энергией с Природой, а не запасаем на собственных боках...

В минуты напряжения девочка очень мило закусывала свои яркие полные губы. Между бровями Полины была ранняя вертикальная морщинка, видимо, от частых попыток осмыслить жизнь внутри и вокруг себя. А в её светло-зелёных с серой каймой глазах под тёмными, то и дело недоверчиво взлетавшими бровями читались и пытливость подростка, и упрямо не проходящее желание верить в чудеса. Девочке всё казалось, что в мире есть нечто большее, чем видит человеческий глаз, даже вооружённый самыми мощными телескопами и микроскопами. Определённо, вопросы поселились в этой юной головке задолго до моего появления, но сегодня их стало ещё больше.

– Меня зовут Ян, – начал я свой рассказ. – Я родился в 1940 году по земному летоисчислению, в деревне Хатынь.

– Погодите, вам, значит... – перебила Полина и уставилась в пространство перед собой, мысленно высчитывая. – Вам должно быть сорок пять лет? – она принялась всматриваться в моё лицо и через мгновение заключила: – Значит вы... старше моих папы и мамы? Они оба родились после войны. Этого не может быть!

Удивление девочки было вполне понятно – ведь она росла среди *homo sapiens*, не имеющих представления о гармонии и от того рано стареющих. Я же напоминал ей нового учителя рисования максимум лет двадцати пяти, а не собственных родителей и их поотрастивших животики друзей и сослуживцев. Багдасар Арушанович, за глаза прозванный Багдасарчиком, жгучий брюнет с глубокими задумчиво-страстными карими глазами, армянин, после педагогического института неизвестно как попал по распределению в Белоруссию, да ещё в военную часть. Видимо, за неимением в учительской гвардии других представителей мужского пола, по нём, несмотря на невысокий рост, незамедлительно начало вздыхать чуть ли не всё женское сообщество школы, начиная класса с шестого. Судя по отражению образа Багдасарчика в прочитанных мной мыслях Полины, я действительно слегка походил на этого молодого *homo sapiens* не только биологическим возрастом, но и ростом, цветом волос и глаз.

Ведь старый, затонувший остров Лемурия располагался в Индийском океане, и мы от предков унаследовали черты жителей современного азиатского континента.

– Оставим пока мою внешность в покое. Думаю, скоро ты поймёшь больше.

Полина недоверчиво скривила рот и опять не дала мне продолжить:

– Ведь Хатынь сожгли немцы?

– Ты об этом знаешь? – удивился я.

– Все об этом знают, – пожала плечами школьница. – А вы, получается, выжили?

– Благодаря родителям. Нас с матерью вместе со всеми жителями деревни загнали в сарай. Потом всё загорелось... Ну, ты об этом и так слышала или читала. Мать укрыла меня от огня своим телом, а сама погибла от ожогов. Мой отец опоздал и не смог её спасти. Он прилетел уже после ухода палачей и нашёл меня в развалинах, – никогда раньше мне не приходилось говорить об этом вслух, потому что на Лемурии любую боль понимают без слов, и было удивительно, как отстранённо и даже спокойно прозвучал мой голос. Будто картины пожарища и не были ночными кошмарами моего детства, будто окрики извергов и душераздирающие предсмертные вопли их жертв не заставляли маленького Ясика плакать от клокотавших внутри него гнева и чувства собственного бессилия, почти не знакомого его соплеменникам.

Полина же, наконец, добралась до настоящей, с её точки зрения, интриги:

– Прилетел – откуда?

– С Новой Лемурии. Мой отец Симон – лемурианец.

– Новая Лемурия? Это где?

– Пара световых лет. Теперь эта планета называется так, – произнёс я с напряжением, понимая, что после сказанного объяснений потребуется ещё больше и что придётся открыть Полине также и тайну нашего существования на Земле. Девочка испытующе уставилась своими колдовскими глазами мне в лицо, пытаясь отыскать в нём хоть какие-то черты, выдающие инопланетянина. «Ну что ж, она часть моего мира, – убеждал я себя. – В ней тоже есть капля крови homo liberatus. Будет даже лучше, если Полина поймёт источник своей только пробуждающейся силы прежде, чем научится её использовать». К тому же непреодолимое влечение к юной землянке не оставляло мне выбора: только зная правду, Полина могла оставаться в моей жизни. Правду обо мне и о себе самой. – Ну хорошо, слушай.

Глава 2. Homo liberatus

– Миллион лет назад в Индийском океане был остров Лемурия* с благодатным климатом и богатой, щедрой природой, – начал я свой рассказ. – Его жители продвинулись по эволюционной лестнице намного выше, чем остальные обитатели планеты Земля: они научились использовать весь потенциал своего мозга и постепенно утратили страх на генетическом уровне.

– Люди без страха? – не поверила Полина. – Так не бывает! Разве им совсем нечего было бояться? Хищников, например?

– Опасности, естественно, были и есть, но страх – это всего лишь эмоция, реакция выживания биологического существа, неспособного или не уверенного в своей способности бороться с угрозой. А когда ресурсов для выживания более чем достаточно, то и реакция постепенно исчезает. Разумеется, лемурианцы изжили страх далеко не сразу, а в процессе саморазвития.

– Ну да, конечно! Если на вас нападут, вы же можете просто телепортироваться! – догадалась девочка.

– Это лишь один из примеров. Хотя мои предки первым делом научились не телепортироваться, а влиять на поведение других живых существ и тем самым избавились от угрозы быть съеденными.

– Гипнотизировали тигров? – рассмеялась Полина.

– Вроде того, – я улыбнулся, а она спросила с некоторым вызовом:

– Почему же тогда остальные люди на Земле не научились так делать?

– К сожалению, я не могу назвать точной причины, – вздохнул я, понимая, что Полина мне не верит. – Думаю, у большинства древних homo sapiens была очень непростая жизнь, и мои предки достигли более высокой ступени развития во многом благодаря своей изолированности в раю под названием Лемурия. До тех пор, пока не научились перемещаться в пространстве, они не путешествовали дальше, чем могли забраться вплавь. Когда же, наконец, островитяне освоили телепортацию и поняли, как сильно отличаются от вида, считающего себя царями Природы, то назвали свою расу homo liberatus – человек свободный. Свободный от страха.

– Как же получилось, что до телепортации они совсем не путешествовали? – с какой-то даже жалостью в голосе воскликнула Полина. – Разве на Лемурии не делали лодок?

– А зачем? – спросил я, тем самым поставив собеседницу в тупик.

– Как зачем? – удивилась девочка. – Чтобы рыбачить в море, например, или открывать новые земли.

Теперь была моя очередь смеяться:

– От добра – добра не ищут! Так ведь у вас говорят? Мои предки были счастливы и на своём острове.

– И им совсем не было любопытно, что находится за океаном?

– Конечно, было, но, видишь ли, ты рассуждаешь как продукт человеческой цивилизации, – я не мог удержаться от поддразнивания. – Желая справиться с трудностью, вы сразу же изобретаете приспособление. Черпаете ресурсы вовне, а не внутри себя.

– А разве это плохо? – воскликнула Полина, обиженная моей попыткой низвести с пьедестала то, чем люди привыкли гордиться больше всего на свете. – Только посмотри, чего добилось человечество с помощью изобретений!

– Чего же оно добилось?

– Как чего? – Полина задохнулась, теряясь в примерах. – Самолёты, телефоны, электрические приборы разные, комбайны... Да много чего! И все эти изобретения помогают нам перемещаться в пространстве, общаться на расстоянии, и даже летать в космос!

– И когда ты говоришь «нам», кого именно ты имеешь в виду? Себя?

– Ну-у, не лично себя... Людей вообще! – смутилась она

Я молча выставил вперёд левую ладонь. К ней прилипло еле заметное семечко, и я бросил его на землю. Держа руку над местом, куда оно упало, я направил луч прозрачного белого света на свой крохотный объект. На глазах затаившей дыхание девочки семечко за несколько секунд превратилось в маленький зелёный кустик с резными листиками, который ещё через минуту покрылся белыми цветочками с жёлтыми сердцевинками. Полина взвизгнула от восторга:

– Ой! Ромашки! Как ты это делаешь?

– Как и все лемурианцы, – спокойно отозвался я, наслаждаясь эффектом. – Управляя энергией.

– Что, вот так? Прямо рукой?

Я пожал плечами и нарочито обыденно ответил:

– Каждый взрослый *homo liberatus* так может. Мои предки стремились плавать, как рыбы, летать, как птицы, чувствовать, как животные – и понимать всё сказанное словами и без, не делая никаких приспособлений, надеясь только на свою Природу – и постепенно научились контролировать энергию. Недостаток ваших изобретений в том, что они не часть вас самих. Приборы, машины и инструменты надо всегда держать при себе, то есть *иметь*. А если самое нужное приспособление теряется, ломается или, к примеру, кто-то чужой его забирает, вы возвращаетесь к изначальному состоянию беспомощности. Ты не сможешь никуда полететь, не сесть в самолёт, или поговорить с кем-либо на расстоянии без телефона, а мы... Ну, ты и сама видела, – я махнул рукой, не желая демонстрировать искусство преодоления гравитации на глазах у людей, застывших в рыболовной медитации на противоположном берегу. Моя собеседница уставилась на меня, поражённая очевидностью проблемы, задумываться о которой «цари природы» не учат своих детей, потому что и сами предпочитают о ней не вспоминать. – С другой стороны, *homo sapiens* за сотни тысяч лет своего существования не изменились, не претерпели эволюции. Это тебе не кажется странным?

Об эволюции в школе рассказывали лишь самую малость, но девочка тут же и выпалила:

– Ну как же не претерпели? Ведь люди произошли от обезьян, так? Разве это не огромный шаг?

– Не могу сказать наверняка, от кого произошли люди, – честно признался я, встретив дикий взгляд школьницы.

– Как это? Любой первоклашка об этом знает! – рассмеялась Полина. – Говорят же: «Обезьяна взяла палку – и стала человеком». То есть человека создал труд! – она так и сыпала заученными, но мало осмысленными ею истинами, и с этим нужно было что-то делать, раз моей целью стало показать Полине мир за пределами матрицы *homo sapiens*. Набрав побольше воздуха в лёгкие, я возразил:

– Мало ли что говорят! А сами-то они откуда знают? Это – во-первых. А во-вторых, не надо путать палку с трудом. Труд – всего лишь превращение одного вида энергии в другой, в пищу, например. Лошади, быки, ослы и другие копытные веками трудятся на благо человека и взамен получают еду и уход. Однако, их ум от этого не стал острее – скорее даже наоборот, если они так слепо позволили себя поработить! Дикие животные тоже трудятся, постоянно в поисках богатых пищей территорий, но претерпевают лишь физиологические изменения, приспособляясь к природным условиям... Почему же они не стали разумными, а обезьяны вдруг взяли и поднялись над своими инстинктами, доросли до мышления?

– Почему? – озадаченно переспросила моя юная собеседница. Её растерянность была такой милой, что я не смог спрятать дурацкую улыбку влюблённого, весьма неуместную при обсуждении такой глубокой темы.

– В символическом смысле, палка – это приспособление, помогающее тратить как раз меньше сил. Ею сбивают фрукты с дерева, не карабкаясь на него, или обращают себе на пользу энергию тех же лошадей, которых погоняют... Так что получается, обезьяна развилась в человека от того, что стала трудиться меньше, – объяснил я.

Полина уже совсем запуталась, пытаясь сложить всё, что я говорил, в единую картину.

– Выходит, что так... – нерешительно пробормотала она.

– Дарвин ваш был, в принципе, прав, но он не знал самого главного: эволюция бывает горизонтальная и вертикальная.

– Как это? – не поняла моя собеседница.

– Горизонтальная эволюция – явление биологическое, оно касается лишь грубой материи, а вертикальная происходит в области тонкого тела: ума, души, эмоций...

– Какого тела? – советская школьница никогда не слышала о тонких материях.

– Системы энергетических центров, которые есть у каждого живого существа, – не желая пока что слишком углубляться в подробности, пояснил я. – Их также называют чакрами.

– Об этом нам в школе не говорили... – нерешительно сообщила Полина, спешно перебирая в мыслях всё, что знала из уроков биологии.

– Разумеется, – отказ homo sapiens от обучения детей самому главному закону Природы меня не удивлял. На Лемурии ходят легенды о том, как тщательно у них скрываются знания, способные сделать каждого отдельного человека независимым от других. – Большинство людей приучены не верить в существование всего, что нельзя потрогать, но неверие не упраздняет само явление. Ты с этим согласна?

– Думаю, да...

– Так вот, у homo sapiens таких центров семь, у большинства млекопитающих – три, а у обезьян – четыре. Чем больше центров, тем сложнее система, выше интеллект и способность управлять энергией. Вот обезьяны и преуспели лучше других животных, начали перераспределять свои силы. Так что они, скорее всего, действительно, наши ближайшие родственники, но совсем не благодаря труду.

– Вы имеете в виду, что от физического труда тупеешь? – изумленно воскликнула закаленная идеологией материализма школьница, словно я преступил какую-то недозволенную черту.

– Ты ведь учишься, а не работаешь? – вместо ответа спросил я. – И обязанности по уборке – и дома, и в школе – ты считаешь самым скучным занятием на свете? – девочка покраснела и утвердительно кивнула. – Интересно, почему? – и не дав ей раскрыть рта, я продолжил: – А когда ты гуляешь по лесу, то любишь рассматривать разные растения, трогать и нюхать их, иногда даже выкапываешь из земли корни, чтобы изучить. Задаёшь вопросы, исследуешь и находишь ответы.

– Откуда вы про меня всё знаете? – тёмные брови снова удивлённо взлетели. Она действительно давно и сильно интересовалась жизнью растений, но стеснялась этой своей страсти, о которой в школе никто не знал, а дома не слишком приветствовали из-за того, что Полина с детства таскала из лесу всякую траву, то есть мусор.

– Я ведь слышу твои мысли – разве ты ещё не поняла? – засмеялся я, а девочка смущённо хмыкнула в ответ. Наверное, к такому ещё надо привыкнуть. – Но продолжим. Ты развиваешься благодаря своей любознательности – и уже научилась готовить придающий силы лекарственный отвар из трав, который действительно помогает! – впервые в жизни услышав похвалу своему секретному искусству, Полина зарделась как

утренняя заря, так что мне захотелось покончить с лекцией, сгрести её в охапку и расцеловать. Но было не время. Пока что. Я собрал волю в кулак и продолжал: – Знания и умения – ресурс, который сложнее всего отнять. А теперь представь, что, вместо учёбы и наблюдений, тебе пришлось бы заниматься физическим трудом восемь или десять часов в день, скажем, выращивать одни и те же растения или ухаживать за одними и теми же животными. Ты бы этого хотела? Только честно! – Полина помотала головой отрицательно и почему-то пристыжённо. – Теперь скажи мне – почему?

– Ну-у... Вообще-то, многие так живут, – вместо ответа возразила девочка, испытывая страшный дискомфорт. Уборку в доме она действительно считала невыносимо нудным занятием и делала через силу, в то время как детей и в школе, и дома стыдили за отлынивание от физического труда. – Но если честно, это было бы немного скучно...

– А что делает однообразную работу скучной?

– Как что? – засмеялась Полина. – Однообразие и делает!

– Правильно! Так что же поможет тебе развиваться лучше – добывание новых знаний или повторяемое изо дня в день действие?

– Ухаживать за животными и растениями тоже надо учиться! – опять возразила Полина, надув губы. В школе не уставали повторять, что любой труд достоин уважения, хотя подростку не раз приходило в голову, что в словах учителей было что-то неискреннее, и что сложно представить кого-нибудь из них занятыми мытьём коридоров или подметанием улиц. Не говоря уже о том, что дома ей при любой попытке отлынивать от уроков напоминали, что без образования можно стать только дворником.

– Разумеется, учиться надо всему – согласился я. – Но не всему одинаково долго. Простым действиям и научиться несложно. А дальше – тупик.

– Но ведь кто-то же должен выращивать хлеб и овощи! – всё не соглашалась Полина.

– В созданном *homo sapiens* мире – да! А на самом деле всё это не так уж и обязательно выращивать, – терпеливо объяснял я. – Природа позаботилась о своих созданиях, и пищи в ней для всех достаточно. На Лемурии никогда ничего не выращивали – и жили счастливо. Сотни тысяч лет мы продолжаем питаться дикорастущими плодами и не вкладываем драгоценное, необратимое время жизни в тяжкий труд земледелия.

Полина тут же представила меня одетым в звериную шкуру и лезущим на пальму за бананом – и расхохоталась:

– То есть у вас всё ещё первобытнообщинный строй?

– Да, если общину существ, научившихся преодолевать гравитацию, лечить все болезни, способных к телепатии, телекинезу и телепортации можно назвать первобытной! – отрезал я. Девочка осеклась. Как же глубоко она погрязла в болоте примитивных человеческих представлений о мире? Но я решил не сдаваться. – Люди придумали теорию общественного строя, чтобы оправдать избранный ими же самими способ коллективного выживания. Поскольку мои предки на Лемурии не страдали от голода и с самого рождения учились понимать Природу, они не так сильно нуждались в себе подобных. Мы уверены, что человека создало любопытство, благодаря которому *homo sapiens* стремились к новому опыту и делали открытия. Как же иначе можно было понять, что колосья вырастают из зёрен? – я подмигнул школьнице. – Благодаря любознательности у людей образовались новые чакры и произошло перераспределение энергетических центров, которое и сделало их людьми. За открытиями следует творчество – вот здесь-то наши пути и разошлись. Пока *homo sapiens* занимались изобретением инструментов, то есть усовершенствованием палки, *homo liberatus* сосредотачивались на собственных возможностях – и развили ещё и восьмую чакру.

Полина задумалась, мучительно пытаясь втиснуть всё, что я говорил, в школьное представление о мире. У неё не очень получалось, и мозг девочки взрывался от

когнитивного диссонанса. Выходило, что человек совершенно точно не царь Природы, а волшебные сказки оказывались так же реальны, как и телепортировавшийся у неё на глазах пришелец, как ни в чём ни бывало валявшийся теперь на свежей травке. Ей нужно было время, и я молчал. Наконец, Полина нерешительно заговорила:

– Так, давайте сначала. Обезьяна стала человеком потому, что научилась делать орудия труда – так?

– Пусть так, я не возражаю, – согласился я с сочувственной улыбкой.

– Так почему же вы говорите, что *homo sapiens* остановились в развитии после изобретения инструментов?

– Хороший вопрос. Ключевое слово здесь – «научилась». На раннем этапе пользование инструментами действительно усовершенствовало мозг древнего человека – но потом оно же и затормозило развитие.

– Как? – всё не могла понять Полина.

– А что было дальше?

– Что?

– Изобретателей среди *homo sapiens* единицы – остальные же считают за благо экономить умственную энергию, а не тратить. Просто берут придуманное кем-то приспособление и пользуются.

– Это правда! – хихикнула девочка. Холодильник, пылесос и стиральная машина были лучшими друзьями её семьи.

– И всё свелось к тому, что абсолютное большинство людей больше ничего не изобретают. Вы доверили своё выживание приборам, придуманным самыми талантливыми из вас – другими словами, поставили себя в зависимость от разнообразных вариаций той самой палки. И теперь палка, а не ваш вид, переживает эволюцию, называемую техническим прогрессом. Получается, инструменты совершенствуются, а подавляющая масса *homo sapiens* – нет. Даже наоборот. Используя изобретения, вы меньше напрягаете своё тело – и становитесь физически слабее. А ваш ум, научившись какой-нибудь сотне операций, погрязает в рутине и нередко даже деградирует.

– Да-а... – Полина не могла не согласиться. – Любой дурак может нажимать на кнопки – даже обезьяна!

– Машинки с кнопками – довольно закономерное явление. Культура *homo sapiens* с незапамятных времён вращается вокруг инструментов-помощников. Даже героям ваших сказок для совершения волшебства – то есть управления энергией – требуются приспособления: волшебная палочка – да, да, та самая палка! – кольцо какое-нибудь, всякие талисманы и артефакты...

Полина стала перебирать в уме прочитанные в детстве сказки.

– Ой, ну точно! – и, опять хихикнув, она добавила: – Между прочим, я всегда думала, что таскать с собой волшебную палочку как-то неудобно! Очень легко её потерять!

– Правильно думала! – похвалил я со смехом. – Волшебство с помощью артефактов в сказках – это проекция человеческой слабости. А прототипам волшебников из ваших сказок – моим собратьям *homo liberatus* – никакие приспособления не требуются.

– Да-а, – задумчиво сказала школьница. – Это многое объясняет...

– Иметь хорошую палку стало у вашего вида навязчивой идеей, чуть ли не смыслом жизни, и ключевое слово здесь «иметь». Оставшись с пустыми руками, *homo sapiens* ощущает себя слабым и беспомощным, испытывает страх смерти, который его и поработает. При этом свобода в принципе невозможна. Вот и получается, что человечество принесло свою свободу в жертву той самой палке, которая его создала.

– А у вас – по-другому? – сообразила, наконец, поинтересоваться слушавшая меня с раскрытым ртом девочка.

– Именно! – я обрадовался, почувствовав, что дело, наконец, сдвинулось с мёртвой точки. – Жители Лемурии всегда следовали своей любознательности, в основе которой лежал тот же инстинкт самосохранения, что и у вас. Только своим девизом они сделали слово «уметь», а не «иметь». Да, наши предки так и не начали обрабатывать землю, зато у них всегда было свободное время, которое...

– А, я поняла! – догадалась Полина. – Вместо того, чтобы работать в поле, они развивали сверхспособности!

– Ну, не все сразу, но, в общем, да! – ответил я и почувствовал облегчение. Мне раньше не приходилось прилагать столько усилий, чтобы кому-то что-то объяснить! – Хотя почти всё, что умеем мы, заложено Природой и в людях. Современный *homo sapiens* использует, в лучшем случае, пятую часть мозга – остальное безнадежно подавлено, законсервировано и почти атрофировалось, так же как у лемурианцев атрофировалась способность испытывать страх.

Полина, наконец, нащупала связь между приобретением сверхспособностей и утерей чувства страха:

– Если умеешь всё, что можете вы, ничего и не нужно бояться!

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Мы считаем, что как раз наша эволюция и стала причиной утраты гена страха, хотя, конечно, на раскрытие полных возможностей нашего мозга ушло не одно тысячелетие. *Homo sapiens* и *homo liberatus* выбрали разные точки приложения своих усилий.

Подавив короткий завистливый вздох, Полина спросила:

– Интересно, как всё началось?

– Это-то нам хорошо известно! – ответил я, воодушевляясь её пониманием. – Вначале наши предки дошли до осознания симбиоза – взаимодействия и взаимозависимости всего живого – и это случилось около миллиона лет назад. Они считали себя лишь малой частью единого огромного мира, в котором всё создано для поддержания жизнеспособности друг друга, а не взаимного уничтожения. Тогда островитяне ещё не знали о существовании других *homo sapiens* и другого пути.

– А на охоту вы разве не ходите? – Полина думала, что это каверзный вопрос.

– Мы не охотимся уже много тысяч лет. На заре своего существования *homo liberatus* были мясоедами, но, осознав свой глубокий симбиоз с животными, поняли: нельзя рубить сук, на котором сидишь. Например, охота на птиц означала уничтожение санитаров леса, в котором мы живём – то есть нарушение баланса в собственном доме. Справедливости ради надо сказать, что заменить мясо на острове Лемурия было несложно, так как еда произрастала вокруг в изобилии. Отказ от питания трупами имел ещё один замечательный побочный эффект: тяжёлая энергия смерти постепенно покинула тела *homo liberatus*, и тогда выяснилось, что наши возможности лежат значительно дальше гипноза и телепатии.

Заговорив о пище, я вдруг понял, что мы оба умираем от голода.

– Ты есть хочешь? – вопрос, конечно, был риторическим, потому что я легко считывал биологическое состояние собеседницы. Полина, уже довольно долго игнорировавшая урчание у себя в животе, кивнула с энтузиазмом. – И что тут растёт съедобного?

– Сейчас? – удивилась девочка и развела руками. – Ничего! Сейчас весна. Вот летом бывают разные ягоды, а осенью грибы, лесные орехи и райские яблочки, маленькие такие... можно даже жить в лесу... – мечтательно добавила она. – Рыбу ещё можно ловить, – и Полина указала на мужчин с удочками, хихикнув при виде гримасы отвращения на моём лице. – Ну да, вы же не едите трупов!

– Континентальный климат – это совсем не удобно, – подумал я вслух. – Неудивительно, что люди боятся остаться без припасов... А на Лемурии можно жить в джунглях круглый год, не заботясь о пище.

– Надо бы сбежать домой и принести чего-нибудь, но... – и Полина запнулась. – Скоро стемнеет, и вряд ли мама разрешит мне выйти из дома аж до завтра!

– А не нужно никуда идти. Сейчас разберёмся, – пообещал я. – Закрой глаза и представь, что ты дома.

Заинтригованная, Полина послушно опустила ресницы и стала усиленно думать о квартире, в которой жила с родителями, и ждать, что будет. Войдя в её воображение, я увидел комнату-коробку, находившуюся внутри ещё большей коробки – здания, выстроенного из искусственных камней правильной прямоугольной формы – кирпичей. Пол был покрыт узкой ковровой дорожкой, и в углу над кроватью тоже висел толстый с причудливыми узорами ковёр, в котором весьма вольготно обитал многообразный микроскопический мир. Напротив кровати стоял большой старый шкаф для одежды, а у окна располагался стол, за которым Полина обычно делала домашние задания. Стена над столом была завешена полками, в свою очередь, заставленными человеческими носителями информации – книгами. Конечно, мне хотелось рассмотреть всё получше, но чувство голода сильно отвлекало. В комнате никого не было. На столе я увидел большую тарелку с орехами, свежими и сушёными фруктами и чем-то вкусно пахнущим, завернутым во влажную бумагу. «Этого будет вполне достаточно», – подумал я. Усилие воли – и угощение материализовалось перед нами на траве. Полина захлопала в ладоши:

– Здорово! Это мама всегда оставляет мне на полдник, – и добавила, состроив важную гримасу, передразнивая учительский тон матери: – Чтобы я «не забывала кушать витамины». Хотя полдник я уже прогуляла. Налетай!

Я стал брать с тарелки очищенные от скорлупы маслянистые ядра орехов, по виду напоминавшие человеческий мозг. Жуя, я указал на вкусно пахшую мягкую белую массу, завернутую в тонкую бумагу:

– А это что?

– Это сладкий сырок. Творожный.

– Из чего он?

– Э-э-э... из молока. Там ещё есть сахар и ваниль, я думаю. Попробуйте.

Предвкушая встречу с первой за многие годы созданной человеческими руками пищей, я с любопытством оттянул края обёртки, пальцами отщипнул кусочек сырка и положил в рот. Вкус творога был мне знаком с раннего детства, но смесь, попавшая мне в рот теперь, была настолько отвратительной, что я тут же выплюнул:

– Фу, гадость! Какое сладкое!

Полина тоже отломил кусочек, попробовала и в недоумении пожала плечами:

– Да нет, обычный сладкий сырок... ну, даже не очень сладкий...

После такого вкусового шока есть вообще расхотелось. «Позже что-нибудь придумаю», – решил я и, пока моя сотрапезница приканчивала свои витамины, продолжил рассказ:

– Так вот, постепенно лемурианцы овладели тем, что вы называете сверхспособностями. За осознанием симбиоза с другими видами последовала телепатия. Мои предки легко научились общаться без слов на малом, а потом и на большом расстоянии. Это оказалось весьма полезным умением, ведь большинство homo liberatus по натуре одиночки. Каждый из нас способен выжить без помощи себе подобных. Многие так и делают. Почти одновременно с телепатией мы научились гипнотизировать животных и казаться им невидимыми...

– А для людей вы тоже можете быть невидимками? – с набитым ртом поинтересовалась девочка.

– Это даже легче, чем с животными! Ведь звери различают нас ещё и по запаху, а люди – нет, почти никто, – покосившись в сторону рыбаков, я исчез с глаз своей новой знакомой всего на пару секунд – и снова появился в той же позе.

– Ух ты! А гипнотизировать? – воскликнула Полина, но, вспомнив какую-то передачу из телевизора, тут же добавила: – Хотя это глупый вопрос. Даже некоторые люди это умеют.

– Да, с людьми довольно просто. К тому же у вас очень богатое воображение, которое можно использовать во время гипноза.

– А друг друга? – не унималась девочка.

– Смотря что называть гипнозом, – неопределённо ответил я. – Навязать чью-то волю лемурианцу невозможно, если только он сам не решит следовать за лидером. Кстати, опять же, такие негипнабельные есть и среди *homo sapiens*. Возможно, и ты принадлежишь к их числу, – начал я подготавливать почву.

– Правда?! – с восторгом воскликнула Полина, совсем не понимая, какую ответственность налагают как её способности, так и само происхождение.

– Там видно будет, – уклончиво ответил я и быстро переменял тему. – Когда мои предки научились концентрировать и направлять энергию, качество их жизни улучшилось. Ведь оно напрямую зависит от энергии. Каждый *homo liberatus* может приготовить пищу без огня и вылечить свой или чужой организм без помощи каких-либо приспособлений или снадобий. Мы не знаем болезней и живём в среднем пятьсот лет. Хотя, возможно, я проживу только триста...

– Как грустно, – серьёзно проговорила Полина. – Почему же не пятьсот?

Меня рассмешило наивное разочарование в голосе школьницы:

– Потому что я родился от женщины *homo sapiens*. Но не забывай: всё же это далеко за пределами продолжительности жизни обычного человека! По земным меркам, теперь мне сорок пять, а в пропорции я даже чуть моложе тебя – и это с расчётом всего на триста лет!

Полина схватила палочку и начала чертить на земле вычисления. Потом лучезарно улыбнулась и радостно засмеялась.

– Выходит, мы почти ровесники? Можно перейти на «ты»?

– Ну, в некотором смысле... и да, разумеется, можно.

Конечно же, в свои сорок пять я, во всех отношениях, оставил пубертат в прошлом. У меня всего-навсего больше времени, чтобы радоваться жизни, учиться или совершать что-либо важное вроде моей миссии. В отношении же Полины это значило, что наша разница в возрасте, довольно большая по человеческим меркам, была ничтожна по лемурианским, так что меня очень обрадовало и немного удивило то, как легко она переосмыслила субординацию. У нас людей считают существами консервативными. Хотя, конечно, эта девочка и не совсем *homo sapiens*...

– Ты уже видела телепортацию – и, на сегодняшний день, это высшее достижение нашего вида, хотя и этому мы научились ещё до возникновения древнеегипетской цивилизации...

Тут Полина перебила меня, вспомнив о главном:

– А как же вы оказались на другой планете?

– Это случилось совсем недавно, незадолго до моего рождения. Открытие и использование людьми радиоволн стало угрожать тайне нашего существования. Над океаном начали летать самолёты, всё больше кораблей стало попадать в зону энергетической защиты нашего острова. Если бы люди рассекретили существование *homo liberatus*, они бы сделали всё для превращения нашего свободного народа в инструмент достижения своих, так называемых великих, целей, на самом деле порождаемых страхом, агрессией и жадной властью.

– Как же так получается, что вам пришлось спастись бегством? – изумилась Полина.
– Ведь вы намного сильнее людей!

– Это правда в отношении людей самих по себе, как биологического вида – но технический прогресс, если ещё и не сравнял наши возможности, то когда-нибудь сделает это. К тому же нас всего несколько тысяч, но главное – мы не используем наши возможности ни для убийства, ни для подчинения кого-либо, в то время как чуть ли не половина человеческих изобретений предназначена именно для таких целей. Так что наша духовность могла оказаться слабостью. Оракулы Лемурии в один голос предсказывали скорое порабощение и призывали бежать, – я решил не сообщать девочке-подростку, что неуёмное стремление *homo sapiens* делать Природу и друг друга инструментами наживы было причиной не только исхода моей расы с планеты Земля, но и моего сюда возвращения. Поэтому я ограничился тем, что сказал: – Не было смысла искать другое место на Земле, потому что очень скоро изобретённые людьми технологии окажутся повсюду. Астрально путешествуя во Вселенной, мои собратья лет за десять отыскали похожую планету и, назвав её Новая Лемурия, поселились там в подходящей для нашего образа жизни климатической зоне. Это сравнительно молодая планета, и мы надеемся превратить её в более гармоничную версию Земли...

– Новая Лемурия, – эхом повторила Полина. – А какая она?

Я посмотрел на девочку и, заговорщицки подмигнув, ответил:

– Лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать – так ведь у вас говорят? – у Полины округлились глаза, а я, выставив ладонь в комически-защитном жесте, закончил со смехом: – Ну-ну, спокойно! Я ничего не обещаю! Много будет зависеть от того, захочешь ли ты освоить кое-какие из наших умений – а для этого потребуются много усилий. Очень много!

– А что, этому можно научиться? – не веря своим ушам, возбуждённо воскликнула девочка.

– Я же говорил, что все способности заложены и в *homo sapiens*, – ответил я, не вдаваясь в подробности о дальнем родстве своей собеседницы с нашей расой. До выполнения хотя бы первой части миссии я вообще не мог никому ничего обещать. – Но сначала я должен наведаться в нашу колонию.

– На Лемурию? – осторожно поинтересовалась Полина. Я не мог удержаться, чтобы не подразнить её:

– Совсем не знаешь географии, да?

– Знаю! – обиженно возразила девочка, которая географию любила как раз больше всех других школьных предметов. Она мечтала увидеть весь мир. – Знаю! Потому и спрашиваю. Что-то я не помню такого острова!

– Ну, ладно, ладно, не дуйся, – и я пожал её прохладные пальцы. Полина инстинктивно отёрнула руку, а я, подавляя вздох, продолжал: – Двести тысяч лет назад, когда началось подводное землетрясение, древний остров Лемурия затонул. Его нет на географических картах потому, что его вообще больше нет.

– Вот оно что! – выдохнула девочка, одновременно с облегчением и раздосадованная тем, как легко я её провёл. – Где же вы жили всё это время?

– Благодаря глубокой связи с Природой острова, мои предки предвидели гибель Лемурии и заранее нашли себе новый дом. К тому времени они уже умели телепортировать на очень дальние расстояния, и первые признаки катастрофы – подземные толчки – заставили лемурианцев задуматься о всеобщем переселении из Индийского океана в Атлантический. *Homo liberatus* остановились на одном из островов в центре Бермудского Треугольника, который моему народу до сих пор удавалось скрывать от глаз *homo sapiens*.

– То есть тайна Бермудского треугольника...

– Это мы. До самого начала Первой Мировой войны этот остров был нашим домом, а после общего переселения на другую планету на нём всё ещё остаётся небольшая колония. Лемурианцы так и не смогли окончательно распрощаться с Землёй.

– А что случилось с людьми, пропадавшими в Бермудском Треугольнике?

Я вздохнул. Это была больная тема.

– По горькой иронии, homo liberatus оказались невольными тюремщиками неудачливых путешественников, которых нельзя отпускать. Поверь мне, никто этому не рад, но рассекречивание нашей колонии было бы равносильно её уничтожению.

Уже почти совсем стемнело и очень похолодало. Полина огляделась вокруг, словно очнувшись от сна.

– Теперь мне точно пора домой, а то мама будет волноваться, – при мысли о матери девочка, вдруг и сама разволновалась так, что её пульс участился почти вдвое. Это показалось мне немного странным, а она спросила, поспешно поднимаясь с травы: – Что ты собираешься делать? Можно переночевать в гараже. Папа в командировке, а мама туда никогда не заходит.

– О, нет! Только не в гараже! – я даже фыркнул от отвращения при мысли о соседстве с вонючими «Жигулями». – Буду спать на природе.

– На холоде?

– Мне не будет холодно, не волнуйся. Воспользуюсь своими возможностями, – и я подмигнул Полине. – Лучше давай заброшу тебя прямо в твою комнату, а то ты уж слишком переживаешь. Я теперь знаю, где это.

– А это не больно?

– Не думаю. Давай руку!

Девочка доверчиво протянула мне розовую ладошку, но тут же отдернула её и задала вопрос, который до сих пор как-то не приходил ей в голову:

– А зачем ты вообще прилетел на Землю, вот теперь?

– Ну-у... во-первых, я всегда хотел побывать в Хатыни, где родился... но только недавно научился межпланетной телепортации – и сразу сюда.

– А во-вторых? – не отставала Полина.

– А во-вторых, у меня на Земле есть очень важное дело.

«Интересно, какое?» – подумала девочка, но спросить постеснялась.

– Лучше тебе не знать, – улыбнулся я, добавив про себя: «Слишком тяжелая ноша для юного ума».

Полина недовольно надула губки и подумала, что, возможно, завтра у неё получится выпытать у меня побольше. А я опять ответил на её мысли:

– Нет, не получится. Мы увидимся, но не завтра. Пройдёт время... и я не могу тебе точно сказать, сколько времени.

Девочка раздосадовано выдохнула:

– Хватит подслушивать у меня в голове! – она снова протянула мне ладонь и несмело спросила: – Мы точно ещё увидимся? – да с такой отчаянной надеждой, что у меня защемило в груди от нежности.

– Конечно, милая! Мне нужно некоторое время, но я обязательно к тебе вернусь, – произнося это обещание, я погладил её ладонь – и на этот раз меня одарили вопросительным взглядом женщины. Ведь Полина не могла читать мои мысли и не знала, как я был околдован её глазами и как они пробудили во мне ту самую вечную любовь, о которой сложено столько легенд и о которой большинство представителей обеих рас лишь мечтает...

Через минуту школьница, ошарашенная первой, но далеко не последней в своей жизни телепортацией, сидела за столом в комнате перед прихваченной с берега пустой

тарелкой. Ещё через минуту дверная ручка повернулась – я едва успел исчезнуть из виду – и в комнату вошла мать девочки. Её глаза округлились при виде Полины.

– О боже, ты дома?!

– Да, мам, спасибо за полдник! – приторным голоском прошептала дочь, демонстративно облизнулась, показала пустую тарелку и лучезарно улыбнулась, подумав: «Вот это повезло! Хорошо, что мама не вошла, когда мы появились!»

– А я была уверена, что тебя ещё нет! – начала ворчать сорокалетняя дама. – Сижу на кухне, волнуясь. Когда ты явилась?

– С полчаса назад, мамочка. Я решила тебе не мешать, – выкрутилась девочка. – Вот, уже и с витаминами покончила. Спасибо! Я только что всё это съела и ужинать уже не хочу. Пойду отнесу тарелку на кухню.

Чмокнув ошарашенную мамашу в щёку, Полина увела её из комнаты, давая мне возможность исчезнуть по-тихому.

– Никогда больше так не делай! – не унималась мать, слегка преувеличивая степень своего беспокойства. – Совсем распустилась, пока отец мотается по командировкам...

Спать в белорусском лесу, где весенняя ночь и вправду обещала быть прохладной, мне вовсе не хотелось, но и отправляться в Бермудскую колонию, не придя в согласие со своим не на шутку разбушевавшимся сердцем, тоже не стоило. Конечно, лемурианцы всегда поддерживают тех, кто оказался перед трудным выбором, так как его преодоление – это единственный путь к обретению мудрости и гармонии, особенно во время первого столетия жизни. Но несмотря на это, являться к малознакомым бермудским колонистам при моем нынешнем состоянии души казалось мне чуть ли не дурным тоном, поскольку мои смутение и сомнения стали бы очевидными для всех благодаря телепатии. Там ведь ждали, верили в меня, а я...

Было предсказано, что я сумею освободить планету наших предков от вампиров – homo sapiens, паразитирующих на энергии Природы и себе подобных. Для лемурианцев моё возвращение знаменовало начало этой, пожалуй, самой важной в истории человечества миссии – и под человечеством подразумевались оба наших вида. Отправляясь на Землю, я считал, что готов начать действовать, но внезапно вспыхнувшая любовь к девочке-подростку застала нового мессию врасплох, выбила из колеи, привела в замешательство – словом, парализовала во мне героя. Так что до того, как начать спасать Природу Земли, требовалось спасение моего смущённого ума. Больше, чем когда-либо, я нуждался в уединении. Лишь оно позволяет навести порядок в нашем главном доме – собственной душе. В конце концов, каждый сам решает, обратиться ему к опыту собратьев или искать ответы, сливаясь в медитации с одной Природой.

За уединением я отправился на один из островов Бухты Халонг на дальнем востоке азиатского материка. Её влажный тёплый климат и изобилие там растительной пищи напоминают уголок Новой Лемурии, где я вырос. Симон, мой отец, любил бывать в Бухте Халонг даже больше, чем на Бермудах, да и вообще многим из наших здесь нравилось как до, так и после переселения на далёкую планету. И только вездесущность не в меру расплодившихся местных жителей, а позже с каждым десятилетием прибывавших туристов не позволяла перенести нашу колонию в этот благодатный уголок Земли. Вместе с отцом мы много раз заходили сюда астрально, и я точно знал, где искать похожее на гнездо сооружение на дереве, обустроенное нашими специально для таких вот одиноких вылазок. Эта хатка, затаившаяся в непролазной гуще тропической листвы, почти всегда пустовала, на протяжении многих десятилетий скрытая от людей и животных маскирующим энергетическим куполом. И теперь,

оказавшись в ней в физической действительности, я сбросил надоедливую человеческую одежду и наслаждался влажным теплом пропитанного морем воздуха. Мне очень понравился вкус незнакомых местных фруктов, несколько видов которых я на скорую руку собрал неподалёку. Покончив с едой, я, наконец, крепко уснул на дне «гнезда», устеленном мягкой подстилкой из сухой травы. Уснул, несмотря на полуденное солнце. События этого казавшегося бесконечным дня так меня вымотали, что я проспал почти целые сутки.

Лишь на следующее утро я сумел по достоинству оценить красоту этого места. Дерево, на котором располагалось «гнездо», было довольно высоким и к тому же росло на холме, так что прямо из хатки можно было увидеть почти весь остров. Густые джунгли подо мной казались морем, переливавшимся сотней оттенков сочной живой зелени, а дальше, за пределами острова, царила настоящая водная стихия. Из её капризной бирюзовой ряби выступали шипы известковых островов, словно стая расположившихся на отдых неуклюжих гигантских рептилий. Как же, наверное, грустно было моему народу покидать это великолепие, оставляя свою чудесную родину непутёвым братьям, гораздо менее заслуживавшим таких вот щедрых красот Земли! Природа планеты Новая Лемурия тоже благодатна, но всё же она скромнее земного тропического буйства. А может, это просто тосковала моя человеческая душа?

Я homo liberatus только наполовину, хоть и привык считать Новую Лемурию своим домом. Любовь между лемурианцем и человеком сама по себе не редкость, но вот смешанные дети рождаются нечасто – только когда лемурианец сознательно этого пожелает. Отпрыски, всё-таки появившиеся на свет, остаются жить среди людей, потому что просто не способны разделить наш образ жизни. Почти все они наследуют самый доминирующий у человека разумного ген, который блокирует использование полного спектра унаследованных от нашего вида возможностей. «Первородный страх» заставляет живое существо сознательно или нет направлять чуть ли не всю свою энергию на заботу о безопасности.

Я родился без гена страха и за последние два тысячелетия был единственным, кого лемурианцы забрали с собой. После мальчика по имени Иисус. Моё появление было предсказано сразу несколькими провидицами, и Симон, как когда-то Гаврил, почти сто лет блуждал по Земле в поисках женщины, в которой текла бы кровь и homo sapiens, и homo liberatus. Только так можно было надеяться, что ребёнок родится без страха, но всё же сохранит способность чувствовать, как люди. За время странствий отец хорошо изучил homo sapiens и узнал, на какие подлости те готовы, движимые страхом, а на что из-за него же почти никогда не решаются. Симон встретил нескольких девушек, отдалённо связанных с лемурианцами кровными узами, но он не мог обещать им того, что ищут земные женщины: защиты и крепкой семьи. А брат силой или увлекать обманом нам претит, как и самой Природе. Такой поступок сделал бы отца изгоем.

Наконец, Симон увидел Полину. Остановился, чтобы восполнить силы в благоухающей земляникой белоствольной роще, как раз когда моя будущая мать собирала там целебные травы. Она была статной русоволосой красавицей и, даже несмотря на зрелый возраст, сохранила оттенок ауры, выдающий кровное родство с homo liberatus. В деревенской травнице удивительным образом сочетались женская страсть, безграничная доброта и смелое спокойствие, необычное для человека, занимавшегося «ненаучной» практикой в то нетерпимое время – кажется, всё это и покорило моего отца. Симон и Полина сошлись в редкой гармонии, какая даже в мире людей не требует слов. Их любовь вспыхнула, как измождённая солнцем трава, и завертела жарким вихрем, сделав не способными оторваться друг от друга.

Тридцатишестилетняя бездетная вдова не беспокоилась ни о своём будущем, ни о том, что скажут в деревне о её невесте откуда явившемся черноглазом любовнике.

Соседи решили, что Симон отбился от вечно странствующего народа, и, посмеиваясь, за глаза судачили, что, мол, колдунья приворожила цыгана и что они два сапога пара. На самом деле, эти толки были недалеки от истины, ведь цыгане – самые близкие родственники homo liberatus и даже внешне они похожи на нас. А светловолосая Полина... от далёкого лемурианского предка она унаследовала обострённое чутье и умение «слышать» растения. Днём она работала в колхозе, а в свободное время лечила заговорами и травами, причём помогала лучше фельдшера из деревни побольше, что по соседству. Фельдшер её, конечно, презирал и считал шарлатанкой, но травница совершенно ничего не брала за помощь односельчанам и посетителям из округи, так что местное начальство не имело повода трогать одинокую женщину, тем более что никто лучше Полины не умел успокаивать животных на колхозной ферме.

Вскоре после моего рождения началась война. Отец, конечно же, в неё не ввязывался, не вставал ни на чью сторону. Для homo liberatus убийство – преступление против Природы, которому не существует оправдания. Он оставался с нами в Хатыни, гипнозом морочил головы «своим» и «чужим» и отлучался лишь три раза в год. Гибель моей матери была предсказана. Скрывая от неё неизбежное, Симон ценил каждое мгновение, которое проводил с любимой, в тайне надеясь обмануть судьбу. Я не виню его за опоздание всего на несколько часов, потому что он не мог точно знать, как и когда всё произойдёт. Но вот за то, что он отказывался помочь мне забыть... Каждый день своей жизни я помнил тяжесть опавшего на мою спину тела мамы, уже начинавшего холодеть среди дотлевавших брёвен *того* сарая – помнил так ясно, словно всё это случилось вчера. Я снова и снова переживал последний день самого близкого мне существа и родной деревни. Эта боль не утихает, а, наоборот, усиливается с годами. Она не даёт мне обрести свойственное homo liberatus душевное равновесие!

– Используй свою гипнотическую силу! – умолял я отца. – Ведь ты же научил меня всему, что я умею, а сам умеешь намного больше...

Но ответом неизменно был его взгляд, уводивший мысли в такую бездну, что обрывки моих детских воспоминаний о трагедии начинали казаться лишь невинными клочками облаков над этой пропастью печали.

– Прости, сынок, но тебе придётся залечивать душевную рану более сложным путём. Так решило *Единение*. Эта боль делает тебя способным к твоей миссии, – напоминал Симон вслух. – Я верю в тебя и всегда буду рядом, – а думал он о том, что для исцеления ему пришлось бы заставить меня забыть её, но отец и сам ни за что не променял бы тоску по своей погибшей любви на белое пятно забвения. Это было бы всё равно, что ампутировать кусочек собственной души. И ещё эта общая потеря прочно связывала нас, так что отец слышал мои мысли даже сквозь межпланетное пространство.

Как и все лемурианцы, Симон не умел лукавить. Я рано узнал, что мне суждено вернуться на Землю, и что только мои боль и гнев – чувства, редко посещающие homo liberatus, – станут залогом выполнения миссии, которая, в свою очередь, послужит началом новой эры на Земле. Сам же он и подготовил меня к первому путешествию. Выходит, спасти миры можно лишь через жертву и страдание? Иисус страдал телом, а я обречён страдать душой... Был ли я на это согласен? В юном возрасте, пока от начала миссии меня отделяли годы, я даже по-детски гордился таким предназначением и до самого своего возвращения на Землю не видел другой стези. Но вот теперь оказался на распутье – потому и сбежал на эти вьетнамские острова вместо того, чтобы сразу приступить к миссии.

Вдыхая теплые влажные запахи джунглей, бродя по поскрипывающему под ногами белому песку пляжей, перемещаясь между самыми безлюдными уголками островов, я тянул время, потому что чувствовал, что моя душа как-то смягчилась. Гнев превратился в ноющую боль, как от занозы, о которой забываешь, когда появляется более

неотложное дело. Зеленоглазое чудо, первым явившееся мне на Земле, притушило мощь запала, с которым я сюда направлялся. Чистое, словно сверкающие озёра Новой Лемурии, чувство к девочке-подростку нейтрализовало желание посмотреть в лицо убийцы моей матери, сжигавшее мне сердце все эти годы. Когда обретаешь редкий дар любви – лучшее, что может произойти с живым существом – хочется радоваться и радовать, а не мстить. Миссия даже начала казаться мне глупостью и не таким уж важным и нужным делом – ведь она не касалась моего народа напрямую. Homo liberatus переселились на другую планету ещё до моего рождения, и освобождение Природы от вампиров было нужно в первую очередь людям, которые сами же эту Природу и разрушают. С другой стороны, я жаждал быть рядом с Полиной, мечтал научить её использовать унаследованные от наших общих предков способности, о которых она пока не подозревала, – а любимая жила на этой планете... В общем, я всё больше запутывался в собственных мотивах.

Даже предпринял астральное путешествие обратно на Новую Лемурию, чтобы обратиться к отцу за советом. Тот лишь покачал головой. «Неоконченное дело отравляет душу», – вот всё, что ответил мне Симон. Заставить homo liberatus в принципе невозможно: чувство долга у нас неотделимо от доброй воли. Кроме того, я не мог не услышать и сомнения отца. Его горечь в отношении предназначенной мне миссии ни для кого не была секретом, благодаря *Единению*. Лемурианцы разделяли чувство Симона, как могли, хотя большинство собратьев знало о самом существовании подобной эмоции лишь из нашего с отцом опыта. Возможно, то было моё последнее *Единение*.

Ещё со времён старой Лемурии трижды в год все взрослые homo liberatus сходятся на совместную медитацию, будто ручейки душ моего народа стекаются в одну большую реку, переплетаясь, обмениваясь своими потоками, чтобы после снова выплеснуться в великое море жизни. В это время возникает Единое Сознание – состояние, в котором чувства и знания одного становятся достоянием каждого. Так наши молодые получают доступ к опыту старших и быстро обретают мудрость. Так наш народ принимает решения без ущемления меньшинства. В *Единении* мы ощущаем все нужды и противоречия друг друга как свои собственные, мыслим и чувствуем как один человек, по определению желающий быть счастливым. Поэтому никто из нас не стремится навязать свою волю другим. Лемурианцы без сожаления делятся с нуждающимися соплеменниками всем – и получают то же, когда нуждаются сами. Мы не боимся потерять, отдавая. Мы не боимся – точка.

В нашем мире не требуется доказывать свою правоту. Для Единого Сознания конфликт интересов – то же самое, что внутренний конфликт одного человека. Для решения проблемы взвешиваются все «за» и «против». Единение ведёт к гармонии, а не компромиссу, и это у нас получается, потому что мы все одинаково хотим гармонии. Заповедь «полюби ближнего как самого себя» пришла к человечеству от нас, но у homo liberatus это не фигура речи, а реальность, в которой каждый на время становится ближним и видит мир его глазами. Когда весь народ думает и чувствует, как один, ничья боль или радость не остаётся незамеченной, ничьи нужды не уходят на дальний план, если только сам лемурианец не решит принести жертву. Как сделал Иисус. Как было предсказано мне. Медитация *Единения* длится не только часами, но и целыми днями и даже неделями. Зато путешествие по лабиринтам душ своего народа избавляет нас от необходимости писать законы. Единое Сознание принимает решение – и потом каждый живёт своей жизнью и делает, что нужно – вот и всё.

Быть частью Единого Сознания – наивысшее блаженство, духовное и физическое, но это и наша самая уязвимая способность. Homo liberatus не вливаются в Единение, пока не достигают глубокого понимания себя и мира, умения жить в гармонии. Баланс – закон

Природы, а не людей, а Природа – не машина. Она, словно музыка – и система, и импровизация, бесконечные варианты вечно преобразующейся реальности – и лишь умеющий настроиться на её пассажи и следовать самым тонким знакам проявления её воли вступает с Природой в гармонию. Вот чему лемурианцы учат своих детей. А примерно годам к тридцати – но каждый в своё время – молодые люди, достигшие гармонии, начинают сами различать, что для Природы есть добро, а что зло. И тогда они слышат зов *Единения* и могут быть его частью. После вхождения в Единое Сознание раз обретенная гармония становится нужна как воздух, и если нарушишь баланс Природы, то потеряешь и гармонию – и перестанешь воспринимать зов. Станешь изгоем, необратимо, навсегда. Опыт многих тысячелетий подсказывает, что, по счастью, мысли никогда ничего не меняют – изгоями становятся лишь нарушив баланс действием. Видимо, поэтому я со своим гневом и жаждой мести всё ещё не изгнан из этого прекрасного целого.

Homo liberatus не судят и не наказывают – они полностью доверяют Природе. Это она отнимает у нарушителя баланса способность вливаться в Единое Сознание. Выпадение из *Единения* – очень редкое у нас событие. На моей относительно не долгой памяти не было ни одного подобного случая, но наши старожилы утверждают, что это настоящее несчастье, которое само по себе хуже самого болезненного наказания. Изгой перестаёт слышать зов, и даже добрые и чистые сердцем лемурианцы не могут любить как самих себя соплеменника, чья душа для них потёмки. Горько делается изгоя без благословенной гармонии. Навечно ограниченный своим собственным сознанием, он становится похож на *homo sapiens* и в конце концов сам уходит к себе подобным.

Поиск человека, командовавшего уничтожением Хатыни – убийцы моей матери и односельчан – должен был стать первым шагом в избавлении планеты Земля от вампиров. Будучи лемурианцем лишь наполовину, я совсем не был уверен, что смогу пощадить чудовище, вампира или нет, отдавшего приказ поджечь *тот* сарай. А когда я отыщу и обезврежу этого одного, как придётся поступать с другими, подобными ему? Хотя вампиры и являются главными нарушителями природного баланса Земли, было неизвестно, простит ли Природа физическое уничтожение хотя бы одного из этих её порождений. Сами *homo liberatus* считают, что лишение кого-либо жизни из мести разрушает гармонию не меньше, чем убийство по любой другой причине, так что никто не знал, смогу ли я снова испытать радость слияния со своим народом после того, как исполню пророчество. Вероятность стать изгоем в ходе моей миссии была так высока, что на Новой Лемурии меня уже жалели, хотя и старались всячески поддерживать и ободрять. А я перед перемещением на Землю мысленно простился с *Единением*.

* Лемурия – согласно неподтверждённой гипотезе, остров, который располагался и затонул в Индийском океане. В конце XIX века Лемурия упоминается в сочинениях Е. Блаватской как родина предков человека. В дальнейшем развитии мифа жителям Лемурии приписывались всевозможные сверхспособности.

Глава 3. Молчание могил

Да, я тянул время. Полинин образ то и дело возникал перед моим мысленным взором, ведь она ждала моего возвращения каждый день – я слышал это даже с противоположного конца азиатского континента, а оторваться, отрешиться от её мыслей не то не мог, не то не хотел. Любовь стояла между мной и миссией – или это миссия стояла между нами с Полиной?

Я не знал, как долго продлятся поиски *моего* вампира. Не знал ни лица, ни имени чудовища, отдававшего команды карателям Хатыни – но это определённо был тот, кто сумел избежать положенного у *homo sapiens* наказания за своё преступление. Другими словами, мерзавец был ещё жив. Ненадолго, если пророчество верно. Я понимал, что, встретив палача своей деревни лицом к лицу, скорее всего, совершу убийство. Последствия этого было не предсказать, потому что на протяжении нескольких сотен лет никто из лемурианцев не отнял ни единой жизни. Став изгоем, придётся жить на Земле, и тогда мы с Полиной сможем быть вместе всегда... но полюбит ли она человека, запятнавшего руки кровью? И тогда не лучше ли будет, чтобы эта неискушённая душа вспоминала о нашей мимолётной встрече лишь как о невероятном приключении, похожем на одну из её детских фантазий? Пробудить, надежды в совсем юной девушке, чтобы потом их обмануть? На это я пойти не мог и ещё сильнее утвердился в решении отложить нашу новую встречу до времени, когда моё собственное положение прояснится. В общем, нужно было действовать.

И вот я оказался ровно на том самом месте, где деревенская травница произвела меня на свет. Теперь здесь царил камень.

В утреннем безмолвии раздался надрывный в своём одиночестве металлический звон, эхом разлетелся по полю, отозвался холодным ознобом в моих плечах и жгучим комком застрял в горле. Я помнил, как трёхлетним карапузом топал по пыльной деревенской улице босыми ножками, держась за руку роскошной красавицы-матери. Я помнил живую изгородь, дышавшие теплом бревенчатые дома и нескончаемый плетень, на котором соседки вывешивали проветривать одеяла. Но в *тот* день деревянные дома и изгороди сгорели дотла, и лишь кирпичные трубы печей остались торчать над пепелищем, будто руки мирных селян простирались из-под земли в отчаянной мольбе.

Двадцать шесть лет печные трубы никто не трогал, а потом архитектор заменил их на двадцать шесть тонких гранитных столбов, увенчанных небольшими колоколами. Эти символические дымоходы возвышаются над двадцатью шестью закатанными в камень и огороженными барьером прямоугольниками – символами двадцати шести сожжённых домов. Чёрные таблички на столбах сообщают посетителю имена жильцов, выгнанных в *тот* день из своих домов на улицу и сгоревших в *том* сарае. Каждые пять минут звук единственного унылого удара тягостной слезой срывается с одного из колоколов, жутковато растекаясь по безмолвным лесистым окрестностям... Дабы не позабыть о трагедии, люди построили *мемориальный комплекс* на месте уничтоженной вампирами Хатыни.

А на окраине деревни, где стоял наш, двадцать седьмой дом, было пусто и зеленела молодая травка, ничего не подозревающая о ненасытном пожаре сорокалетней давности. Я узнал ровесницу своей матери – берёзу, росшую когда-то прямо за нашей калиткой. Белоствольная красавица каким-то чудом уцелела. Она так и стояла в полном одиночестве, грустная и постаревшая, молчаливо храня секрет самого существования деревенской травницы. Симон и его подруга Мина предусмотрительно изъяли воспоминания о нас с матерью из ментального пространства землян, поэтому на месте

нашего дома, сгоревшего, как и остальные, не было ни отшлифованного человеческой рукой гранита, ни колокола.

До своего приземления я пару раз побывал в Хатыни астрально. Мне тогда представлялось, что эта берёза хранила в себе душу моей мамы, и я мысленно называл дерево Полиной. Во время таких путешествий мы не способны ни слышать звуки, ни осязать, а теперь я наконец-то смог погладить рукой нежную белую кору и ощутить тёплую шершавость чёрных древесных прожилок! Прижаться щекой, как когда-то в детстве прижимался к её плечу. Разумеется, я даже слишком хорошо знал, что эта берёза не стала сосудом для души деревенской травницы: на земле останки умерших кладут в ящики и закапывают поглубже. Зачем? Это результат извращённого представления людей о жизни по ту сторону. Или, может быть, так они защищаются от страха смерти, с глаз долой пряча своих покойных, придавив их нещадно обтёсаным и потому тоже мёртвым камнем, видимо, для верности. Отправляют напрямик в небытие. Вероятно, Земля и слабеет столь стремительно потому, что даже рождение всё большего числа молодых *homo sapiens* не способно возместить бесследно исчезающие души накопивших мудрость предков...

На Лемурии сжигают тела окончивших своё биологическое существование соплеменников и в смешанную с пеплом почву сажают молодое дерево, создавая таким образом новое пристанище для астрального тела. Мы знаем: смерти нет, а есть лишь другая форма жизни. Поэтому наше кладбище – сад, где все деревья имеют имена и шепчут голосами покинувших нас братьев. А здесь, в сожжённой вампирами деревне, даже нет отдельных могил. Всех погибших в *том* сарае сложили в братскую, под одну огромную гладкую плиту. Так что травница Полина исчезла бесследно, вместе с остальными.

Начали прибывать группы. Я следовал то за одной, то за другой. Что я хотел услышать? Для меня в истории Хатыни было много белых пятен. Сам я помнил лишь поток оглушавших меня душераздирающих криков, вонь горелого мяса и дыма, мощные, исходившие от людей волны ужаса, сбивавшие с ног и устремлявшиеся из *того* сарая по направлению к палачам. Для мало что понимавшего малыша, рождённого без страха, всё это казалось бессмысленным. Я просто был удивлён и шёл за всеми, а когда мать нависла надо мной, встав на четвереньки, и угасающим голосом прохрипела: «Сиди тихо!», снова очень удивился, но послушался, как обычно. То были её последние слова, но и этого я тогда не понимал.

Потом, на Новой Лемурии, когда я, наконец, осознал, что навсегда потерял её, тоска на какое-то время полностью поглотила моё маленькое сердце, и только спустя пару биологических лет я начал задавать вопросы. Версия Симона, бывшего частью мира без страха, а следовательно, без жадности, ненависти, идеологий и войн, была проста: «Твоя мать погибла от рук вампиров». И это было правдой с точки зрения физики, но в мире людей вампиры скрываются под тысячами масок. Об их хитрости и жестокости я знал лишь в общих чертах, а этого не было достаточно даже для осмысленного первого шага, не говоря уже об успехе миссии. Так что я решил воспользоваться моментом, и, со слов водивших экскурсии работниц музея, история гибели Хатыни впервые предстала передо мной в человеческой перспективе:

– Вечером 22 марта фашисты ворвались в Хатынь, прикладами автоматов выгнали стариков, женщин и детей на улицу и согнали в колхозный сарай, который потом заперли, обложили соломой и подожгли. Сарай был деревянный и сразу же загорелся...

– Обезумевшие от страха люди, стоявшие внутри сарая так плотно, что не могли пошевелиться, кричали, а дети задохнулись в дыму и плакали...

– Двери сарая рухнули под напором тел – и люди ринулись наружу. Но там их ждали немцы с автоматами, получившие приказ не оставлять живых. Они расстреливали всех, кому удавалось вырваться из огня...

– Вот эта каменная крыша находится как раз на месте, где был *тот* сарай... «Где погибла мама», – подумал я, – а рядом вы видите братскую могилу жителей деревни...

Словно вот эта самая гранитная плита, печаль сдавила моё сердце. Вот здесь, вместе с десятками других человеческих тел, сгнило и разложилось всё, что осталось от травницы Полины, а душа её умерла навсегда, раздавленная камнем, как и души всех наших добрых соседей. Мне никогда в жизни не доводилось плакать, а теперь из глаз сочилась солёная жидкость, высвобождая из заточения копившееся долгие годы горе. Вместе с горем моя энергия бесцельно утекала в атмосферу солнечного утра – а мне было всё равно, и было странно, что, несмотря на боль от разворошённых, роem налетевших воспоминаний, мне хотелось слышать больше. И я слушал:

– Всего в Хатыни погибло сто сорок девять человек...

«Сто пятьдесят, – мысленно возразил я с какой-то детской обидой. – Никто не помнит о моей матери!»

– ...Из них семьдесят пять детей. А выжило – пятеро детей и только один взрослый, – продолжала экскурсовод Оля. – Деревенский кузнец Иосиф Каминский потерял сознание от ран и ожогов, а придя в себя уже после ухода немцев, нашёл своего сына Адама. Мальчик был тяжело ранен, он истекал кровью, живот ребёнка был прошит автоматной очередью, и из него вывалились внутренности, – при этих словах в сознании нескольких наделённых богатым воображением подростков тут же возникла картина: мужчина с изувеченным мальчиком на руках, едва переставляя ноги, бредущий меж догорающих развалин. И хотя эти подростки никогда не видели войны, не теряли близких от рук карателей, не слышали ни выстрелов, ни взрывов, их представления о хатынской трагедии были до странности точны, похожи на мои воспоминания – вот это меня поразило больше всего! У некоторых школьников даже заныло в животах, и энергия их – воображаемого – страха холодными струйками стала вытекать наружу – так реально оказалось их переживание ужасов, случившихся более сорока лет назад. – Ребёнок скончался на руках у отца, – и тут девушка резко замолчала. Каждый раз она, точно влюблённая в свою роль актриса, выдерживала паузу на этом месте, чтобы довести аудиторию до высшей точки сопереживания. Рассказ об Иосифе Каминском неизменно потрясал посетителей мемориала, будь то школьники из соседней деревни или туристы из Европы. Для Ольги же её работа не была простым актёрством – внучка воевавшего в этих местах партизана болела Хатынью и рассказами деда о подпольной борьбе с мучителями своей земли. Вчерашняя студентка исторического факультета знала, что делает правое дело, не давая порастить бильём горю своих земляков. Чтобы помнили. Чтобы не повторяли. Вот и теперь никто из следовавших за ней людей не смел проронить ни слова, и воцарившаяся в группе тишина слилась с застывшим безмолвием мёртвой деревни, нарушаемым лишь едва различимыми беззаботными птичьими голосами, доносившимися из леса. Очередной удар колокола с верхушки столба над нашими головами вспорол воздух, и все, включая ведущую, вздрогнули и невольно пригнули головы. Ольга указала на возвышавшуюся впереди огромную статую тощего старика в лохмотьях, держащего мальчика с безжизненно свешенными руками. – Вот эта шестиметровая скульптура в центре нашего мемориального комплекса называется «Непокорённый человек». Хотя она и представляет собирательный образ жителя деревни, история Иосифа Каминского легла в основу создания памятника. А сам Иосиф Иосифович умер в 1973 году. До самой смерти он жил неподалёку отсюда, в деревне Козыри. Говорят, он пешком приходил в Хатынь до конца своих дней, – закончила Ольга.

Как только она умолкла, ветер донёс до моего слуха слова ведущей другой группы:

– Хатынь – лишь одна их шестисот белорусских деревень, уничтоженных фашистами во время Великой Отечественной войны. Жители ста восьмидесяти шести из них были сожжены заживо, как и жители Хатыни, а деревни эти, окончательно стёртые с лица земли, так и не возродились после войны...

Раньше я не знал таких подробностей. Потому что и Симон, единственный на обеих Лемуриях эксперт по Белоруссии, намеренно отказывался в них вдаваться. После прожитых в Хатыни четырёх лет каждого погибшего в *том* сарае крестьянина он знал в лицо и по имени. Гнев, неминуемо вызванный мыслями о зверском убийстве вампирами всех этих людей, помешал бы отцу вырастить из меня настоящего лемурианца, научить всему, что освобождает homo *libertus* от необходимости испытывать страх. Именно это Симон справедливо считал своей главной задачей, своей собственной миссией – и запрещал себе думать о *том* дне.

Но постоите, если сто пятьдесят погибших жителей Хатыни умножить на сто восемьдесят шесть белорусских деревень..., то выходит, горстка вампиров убила людей больше, чем существует представителей расы homo *liberatus*! Или вампиров там было не так уж мало? А если посчитать всех погибших в войнах на этой планете, хотя бы за последние сто лет?!

Услышанное подействовало на меня отрезвляюще, и смягчавшая моё сердце любовь заняла, наконец, надлежащее в жизни мужчины место – второе после миссии. Теперь я действительно был готов. Если есть хоть малейшая надежда на избавление человечества от монстров, подобных палачам Хатыни, пока не стало совсем поздно, то превратиться в изгоя – не такая уж большая плата за попытку. Да что там! Даже умереть стоило за то, чтобы трагедия Хатыни, не первая и не последняя в истории homo *sapiens*, перестала повторяться снова и снова, ужесточаясь на каждом новом витке!

Жители нашей бермудской колонии на каждом Единении сообщают, что всё больше homo *sapiens* предпочитают накопление разного рода энергии её обмену – то есть ведут себя как вампиры. Но тому, кто вырос в мире гармонии, вообразить такое глобальное попираие главного закона Природы просто невысказимо. Только здесь я впервые по-настоящему осознал серьёзность проблемы, а осознав, понял, что даже самому опытному homo *liberatus*, коим я в свои сорок пять, разумеется, не являлся, было не под силу справиться со всем вампирами Земли в одиночку. На помощь собратьев мне рассчитывать не советовали. Хотя лемурианцы и жалеют homo *sapiens*, ценя всё прекрасное, созданное людьми и достойное быть спасённым, они не пожелали ввязываться в человеческие дразги, а просто сменили планету.

До сих пор раса, эволюционно опередившая тех, кто называет себя царями Природы, не верила в необходимость вмешиваться в дела царские, что было лейтмотивом чуть ли не каждого *Единения*. Мои собратья считали бессмысленной трату драгоценного времени своей жизни на борьбу, которая людям нужна значительно больше, чем им. Эта миссия была определена мне и никому другому как раз потому, что ни у одного из живущих в гармонии лемурианцев не могло возникнуть такого же жгучего желания разобраться с вампирами, какое теперь испытывал я, лишённый гена страха, но всё же человек. Выходило, что без помощников из числа homo *sapiens* мне было не обойтись. Пока что это казалось трудной задачей, ведь я почти совсем не знал людей. Я был согласен с Симоном: нужно выбирать лишь тех, кто сознательно сохраняет верность Природе, то есть, как здесь говорят, «законам добра» – а это значило, что мне придётся посетить умы многих, чтобы выбрать нескольких достойных. И я стал наблюдать за доступными экземплярами homo *sapiens* из экскурсионных групп.

– Далее за статуей «Непокорённый человек» вы видите кладбище деревень. Во время постройки мемориала наши волонтеры отправились по следам войны на места

сожжённых поселений, из каждого привезли урну земли и установили рядом с названиями, высеченными в плитах из чёрного гранита. Так что это кладбище лишь символическое. Оно создано для того, чтобы мы с вами помнили об жестокости, проявленной немецкими захватчиками на нашей земле. А останки погибших жителей находятся в братских могилах, разбросанных по всей Белоруссии...

Экскурсоводы Нина, Юля и Оля, местные жительницы, не понаслышке знали, что в округе не было ни одной семьи, не потерявшей родных в уничтоженных фашистами деревнях. Они не сомневались в нужности своей работы, но не видели самой войны, по сравнению с испытаниями которой любые заботы этих молодых женщин должны были бы казаться ничтожными. И всё же разные мелкие тревоги переживались ими с далеко не ничтожной силой.

Тридцатилетняя Нина беспокоилась о своей дочурке, которая не хотела ходить в детский сад: «Наверное, там её обижают другие дети, – думала мать, и сердце её начинало колотиться, а кулаки сжимались от обиды и гнева. – Надо поговорить с воспитательницей... А вдруг ребёнок начнёт болеть? Может быть, не стоило выходить на работу? Да, но зарплаты мужа нам едва хватает чтобы сводить концы с концами... А что скажет мама? Опять начнёт критиковать мужа? Я уже боюсь с ней разговаривать. Что же делать?» – и сердце Нины колотилось ещё сильнее от бессильного раздражения. «Как можно бояться собственной матери?» – подумалось мне, но тут же я вспомнил беспокойство Полины из-за позднего возвращения домой. Выходит, страх homo sapiens проникает даже в отношения самых родных и близких!

Мать-одиночка Юля переживала за проделки десятилетнего сына, но на самом деле она боялась директора его школы больше, чем последствий хулиганства сорванца. Строгий седой дядька занимал свой пост ещё когда сама Юля была девочкой. Его боялись и взрослые, и дети, но мне опять же было не совсем ясно, почему.

Ольга же, самая молодая из женщин, только что окончила исторический факультет Минского университета, поступила в аспирантуру и собиралась писать диссертацию о трагедии Хатыни. Интересно... но... несмотря на любовь к своему делу, мысли девушки не впечатляли: «Хоть бы куратор одобрил тему! А вдруг мне не дадут место на кафедре? Опять придётся жить на стипендию?» – волновалась она. И ещё больше Оля боялась, что новое платье, которое она вечером собиралась надеть на свидание, не понравится молодому человеку, за которого будущая аспирантка мечтала выйти замуж. – А вдруг оно покажется ему слишком вызывающим или дурацким?» В продолжении всей экскурсии, мысли о том, что подумает её парень о платье, словно острые пчелиные жала, то и дело вонзались в Олино ментальное пространство, и производили в душе девушки волнение нешуточной силы, на которое тратилось просто немислимое, и уж точно несоразмерное количество энергии, умение управлять которой у будущего доктора исторических наук напрочь отсутствовало... М-да.

Как это люди, даже не будучи в настоящей опасности, находят причины для страха на ровном месте, просто перед тем, что называется жизнью? Может, это неостребованный ген вынуждает homo sapiens искать повода бояться, чего придётся, даже когда бояться – нечего? Возможно, инстинкт самосохранения подталкивает их к поиску опасности так же, как инстинкт размножения вынуждает к поиску пары? Им кажется, если нечего бояться – значит, что-то не так, значит, они просто чего-то не замечают, и люди начинают цепляться за каждый, даже малый намёк на опасность, бессознательно, чтобы не дать угаснуть инстинкту. Сколько же времени и сил теряют homo sapiens, обуреваемые вот такими переживаниями, беспричинными и чаще всего внушёнными кем-то другим! И всё это несмотря на кратковременность отпущенной им жизни... Жалость, которую я вдруг почувствовал к людям, была сродни жалости к бесполокво ползающим слепым котятм. Такие вот дрожащие существа не только не

могут противостоять вампирам, но и предпочитают вообще в них не верить, только бы не оказаться полностью парализованными паникой...

Привезённые на экскурсию школьники были ровесниками Полины. Дети homo sapiens отличались друг от друга: хотя все они уже носили в себе культуру царей Природы, но каждый переживал увиденное и услышанное в Хатыни по-своему. Щуплый и бледный Ваня, следуя за экскурсоводами, слушал историю о пожаре, человеческой жестокости и страданиях с широко раскрытыми глазами, словно эти рассказы помогали расти чему-то большому и важному в его душе, звеневшей, как натянутая струна. Мальчик представлял, как ушёл бы в партизаны и стал героем, пусть даже посмертно... Жаль, что ему было всего двенадцать...

А вот Серёжа, рыжий веснушчатый увалень с глубоко посаженными маленькими серыми глазками, отстал от группы по совершенно неподобающему случаю. Учительнице пришлось вернуться за ним.

– Комаров! – шёпотом проревела Анна Павловна. – Ты что здесь делаешь? Как тебе не стыдно? А ну-ка марш за всеми, негодник!

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ОТРЫВКА